

УДК — 792.8; 929

Н. Е. Синичкина

СЕМЕЙНЫЕ ХРОНИКИ Н. А. КАМКОВОЙ: ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН

Памяти Виктора Ефимовича Камкова (1945–2015)

Н. А. Камкова — яркая и многогранная личность. Мы мало знали о ее прошлой жизни, и, к сожалению, стеснялись расспрашивать Наталью Александровну об этом. Какое упущение!

А. М. Полубенцев

Наталья Александровна Камкова (1907–1973) окончила хореографическое училище по классу А. Я. Вагановой в 1924 г. Посвятив всю свою жизнь преподаванию классического танца, она стала уникальным, талантливейшим педагогом. Представляется интересным по-новому увидеть профессиональный путь Н. А. Камковой в контексте не известных ранее страниц ее жизни. И здесь важно говорить о Камковой через призму культурной среды, в которой она росла и жила, поскольку именно эта среда возвращала и подпитывала весь ее педагогический путь¹. Современное гуманитарное образование особенно остро нуждается в ярких и убедительных примерах зарождения и поддержания культурно-исторических традиций. Почему Камковой удалось продолжить дело Вагановой на таком высочайшем уровне? Какие семейные ценности, культурные традиции были переданы будущей балерине и педагогу в детстве? Какие обстоятельства жизни предопределили творческий путь Камковой? Попытка ответить на эти вопросы позволит обогатить содержание образования сегодняшних выпускников Академии Русского балета имени А. Я. Вагановой, поскольку «главным в гуманитарном образовании становится ценность как переживаемое отношение, как неразрывная связь поколений, как сохранение классических культурных смыслов и создание новых» [1, с. 33].

¹ Историко-культурный интерес к жизни и творчеству Камковой возник у автора в связи с участием в проекте реконструкции старинного купеческого дома в Шлиссельбурге. Об истории здания никаких сведений не сохранилось, но было очевидно, что когда-то здесь жили очень достойные и, возможно, известные люди. Почти все архивы Шлиссельбурга были уничтожены во время войны, поэтому надежды на то, что нам станет известна подлинная история здания, не было никакой. И вот через некоторое время к нам обратился человек, который рассказал, что до революции дом принадлежал его семье, здесь же провела детство его родная тетя — Наталья Александровна Камкова. Так было положено начало нашему поиску.

Семейное древо Натальи Александровны Камковой² ведет начало с XVIII в.: предки семьи происходили из рыбаков, прибывших в Шлиссельбург во времена Екатерины II. Официальную родословную семья начинает с дедушки и бабушки будущей балерины — купца Алексея Григорьевича (1837–1898) и Надежды Поташовых. Купец построил дом для своей семьи в 60-х гг. XIX в. в центре Шлиссельбурга³. В конце века Поташovy располагали несколькими зданиями на Богоявленском проспекте⁴. У семьи были хлебопекарня, колбасный цех, конюшня (рысаки, неоднократно побеждавшие на выставках, были куплены в Париже), несколько кораблей⁵, ходивших по Неве в Петербург. У Поташовых родилось трое детей. Сегодня потомки семьи хранят особую память о двух из них: Андрее и Клавдии⁶.

На Андрея Алексеевича Поташова (1862–1916) легли все тяготы по содержанию семьи после смерти отца (именно Андрею он завещал дом). Андрей унаследовал купеческую хватку Поташовых и продолжил их дело. В памяти шлиссельбуржцев сын купца остался благодаря тому, что в конце XIX в. отлил новые колокола для часовни Казанской Божией матери⁷. От Андрея Алексеевича Поташова

² Здесь и далее история семьи излагается по воспоминаниям сына Н. А. Камковой — Виктора Ефимовича Камкова и ее двоюродного племянника Валерия Петровича Гуттаковского.

³ В 1986 г. КГИОП присуждает дому статус выявленного объекта культурного наследия регионального значения: дом представляет классический образец жилого каменного купеческого дома исторического центра Шлиссельбурга второй половины XIX в., расположенного по красной линии застройки в северо-западной части Шлиссельбурга у начала Новолодожского канала императора Александра II в истоке р. Невы.

⁴ Ныне улица Чекалова. Богоявленский проспект был переименован в улицу Чекалова в 20-е гг. XX в. в честь красноармейца Н. М. Чекалова. В памяти семьи этот человек (погиб в Петрограде совсем молодым в 1919 г.) остался благодаря тому, что предупредил Поташовых о готовящейся экспроприации дома. Именно поэтому сегодня у нас есть многочисленные свидетельства жизни купеческой семьи: предметы быта и интерьера, книги, фотографии и письма. Все это легло в основу создания историко-этнографического музея в бывшем купеческом доме в Шлиссельбурге.

⁵ «Византия», «Елизарий», «Поташов», «Слон». Последний также спасал рыбаков на Ладоге. «Слон» продолжал ходить по Неве после революции, но уже под названием «Спартак».

⁶ Третий ребенок купцов, сын Иван, эмигрировал в Америку на одном из судов семьи, оставив в России свою жену Дарью, которая так никогда и не вышла замуж. «Баба Даша» нянчила в сороковых годах двоюродных братьев — правнуков купцов — Валеру Гуттаковского и Витю Камкова. Как это ни удивительно, но от Ивана из Америки долгое время приходили открытки.

⁷ Предположительно, что в строительстве часовни Казанской Божией матери принимал участие и купец Поташов. Часовня была возведена «в 1865 г. по инициативе причта Иоанновского собора и коменданта крепости генерал-майора Лепаренга для иконы Казанской Божией матери. Она стояла на берегу канала Императора Александра II близ паровой станции. Ее снесли в 1980-х гг., а на том месте построили здание водозабора. В эту часовню до самой революции 1917 г. каждый год, 8 июля, из крепости Орешек на специальных лодках привозили самую почитаемую икону Казанской Божией матери для доступа к ней богомольцев и жителей города и для совершения Крестного хода» [2, с. 34, 37, 38]. По воспоминаниям внуков купца, колокола были разбиты красноармейцами.

и его жены Александры Федоровны идет самая разветвленная линия Поташовых: у них было семеро детей — двоюродных сестер и братьев Натальи Камковой.

Что нам известно о родителях Натальи Александровны? Купеческая дочь Клавдия Алексеевна Поташова посвятила свою жизнь театру. Под псевдонимом Роменская⁸ она служила в нескольких театрах Петербурга — Ленинграда. В архиве семьи был обнаружен уникальный документ — письмо, адресованное Клавдии Алексеевне «Роменской группой рабочей и интеллигентной молодежи» 8 августа 1906 г. Из этого письма мы понимаем, что Клавдия Алексеевна уже снискала славу актрисы и приобрела благодарных поклонников. Судя по всему, речь идет о театре украинского города Ромны (по воспоминаниям семьи, в это время Клавдия Алексеевна гастролировала по городам Украины). Выскажем догадку, что именно «Роменская сцена» оставила в судьбе актрисы самый яркий след и побудила взять сценический псевдоним — Роменская. Ведь в этот же период происходит встреча Клавдии с будущим мужем — актером и импресарио Александром Камковым (предположительно, это тоже был псевдоним). 21 января (по новому стилю) 1907 г., в двухстах километрах от Ромен в городе Кременчуг родилась Наталья Камкова. Родители прожили вместе недолго, и судьба Александра Камкова осталась для семьи неизвестной — Клавдия Алексеевна об этом ничего не рассказывала. Но ее двоюродная сестра, тетя Натальи, однажды поделилась, что Наталья Александровна втайне от матери продолжала общаться с отцом.

Размышляя о судьбе Натальи Александровны, мы не могли не задаться вопросом, каким образом она оказалась в хореографическом училище? Пока никаких письменных свидетельств этого решения обнаружить не удалось. Но в беседах с сыном и племянником Камковой мы пришли к выводу о том, что, скорее всего, определяющими факторами стали артистическая среда родителей и события 1917 г., в результате которых семья лишилась родового дома. Училище же давало возможность создать условия для жизни ребенка. Ведь не осталось не только дома. Большая часть семьи была сослана на Муйнак (в Узбекистан), и теперь во время гастролей не к кому и некуда было отправлять Наталью. Ее новым домом стало хореографическое училище. В ее жизнь вошла Агриппина Яковлевна Ваганова.

И здесь возникает другая удивительная линия соприкосновения великой Вагановой и ее выдающейся ученицы — петербургский-ленинградский адрес «Гороховая, 4», который стал еще одной культуроносной средой, предопределившей жизнь и творчество Н. А. Камковой. К сожалению, Камкова никогда не вела записей. Но ее единственный сын, Виктор Ефимович Камков, был невероятно одаренным не только как балетмейстер и педагог, но и как публицист. Его воспоминания о Гороховой, 4 — уникальное свидетельство эпохи. Замечательно, что впервые эти воспоминания публикуются на страницах «Вестника Академии русского балета им. А. Я. Вагановой» — alma mater Камковых.

⁸ Клавдия Алексеевна рассказывала, что, получая паспорт, разрешила паспортисту самому выбрать любую фамилию из трех: Поташова, Роменская, Камкова. По паспорту дочь купца стала Роменской. Своей единственной дочери купец Поташов завещал деньги, которые хранились в банке (15000 дореволюционных рублей).

* * *

«Наш дом. Гороховая, 4 (Дзержинского, 4)

Здесь я родился. Ну, конечно, я родился в роддоме, но как себя помню, дом этот был для меня центром вселенной. Той вселенной, которая в каждом возрасте, в каждый период жизни, для каждого человека своя. С детства Адмиралтейский шпиль олицетворял для меня центр мира и, конечно, центр Петербурга, Петрограда, Ленинграда. Это ощущение, диктуемое внутренним миром человека, подспудно остается надолго, иногда на всю жизнь, иногда смыаемое событиями, перемещениями в пространстве событий и мест пребывания и проживания. Дом наш находился очень близко к Адмиралтейству — всего лишь территория Александровского сада отделяла дом от огромного здания, в котором располагалось Высшее морское инженерное училище...

История дома и его аура наполнялись событиями, происходившими в его помещениях, и проживавших в нем в различные времена известными людьми. В нашем детстве над домом висела какая-то тайна, доходившая до нас туманными отголосками, которые много-много позже стали формироваться в историю дома после 1918 г... Взрослые жильцы нашего дома наверняка знали о том, что в этом доме ранее располагалось учреждение под названием ЧК. В дальнейшем история постаралась забыть о данном факте. Даже сегодня мало кто знает о том, что ЧК было не только в доме 2, но и в доме 4. В моем детстве над воротами висел отличный знак участника революции. Его сбили во время ремонта внешнего фасада здания, да так и не восстановили по причине обычной безалаберности либо сознательно, чтобы погасить память, несущую неоднозначную историческую реальность Гороховой, 4. В 20–30 гг. дом на Гороховой, 4 уже официально занимало Управление делами Петроградской ЧК. Здесь находились кабинеты сотрудников и камеры заключения. Об этом долгое время мы, дети Гороховой, 4, ничего от взрослых не слышали. На мой вопрос о знаке на воротах ни бабушка, ни родители никак не реагировали. Только в юности, когда начали просачиваться какие-то слухи, мы стали говорить, что “Здесь были кабинеты”. Тогда мы плохо понимали значение этих слов, но став взрослыми, осознали, что эти “кабинеты” хранят множество тайн, трагедий, много боли, слез и страданий... После переезда органов ОГПУ в новое здание на Литейном, дом 4 по Гороховой улице был превращен в жилой. В некоторых квартирах о прошлом напоминали ниши в стенах на тех местах, где на пути коридоров возникали вновь возводимые стены, разделяющие квартиры. Квартиры подобных домах распределялись по особым спискам, и получали их не самые рядовые граждане. Новые жильцы в основном были работниками партийного аппарата. И среди этой “спецпублики” квартиры начали получать работники культуры. Ходили разные слухи. То ли здесь должен был жить С. М. Киров, который хотел иметь своими соседями известных и приятных ему деятелей искусства. То ли нужно было обставить полученные в этом доме квартиры его пассии, певицы Мариинского театра. То ли органы хотели иметь «под колпаком» деятелей культуры и посредством кого-то из первых обитателей из артистов привлекали в дом новых жильцов. Все эти слухи могли иметь под собой почву, так как рассказывали, что Киров часто посещал Гороховую, 4. Можно предположить,

что вся интрига заселения дома была спроектирована органами для разделения личной жизни С. М. Кирова и, возможно, для наблюдения не только за людьми искусства, но и самого Кирова... Наталья Борисовна Бабочкина вспоминала (семья актера Б. А. Бабочкина поселилась в квартире 10 с начала тридцатых годов): “В начале войны дом опустел (наверное, она имела ввиду лестницу главной парадной. — В. К.). Жилой осталась наша квартира, рядом в квартире жила вдова Певцова (моя мать Н. А. Камкова. — В. К.) со своим новым мужем художником. Ниже этажом — семья Дунаевских и на втором этаже — Агриппина Яковлевна Ваганова. Где-то выше нас жил вечно пьяный человек, работающий в том самом заведении”. А мне вспоминается услышанное в детстве в разговорах между взрослыми, как в ночь после смерти Кирова опустели почти все квартиры на главной лестнице дома. Распахнутые двери квартир, из которых ночью были вывезены целые семьи, зияли пустотой. На втором этаже мечущийся по лестничной площадке плачущий маленький ребенок, и внизу в фойе парадной в унисон с ним плачущая лифтерша, боящаяся успокоить этого ребенка, который каждый день здоровался с ней, выходя на прогулку с родителями... Но это было уже потом, в конце 30-х, начале 40-х гг.

А в первом эшелоне заселенцев в дом на Гороховую, 4 был певец Ершов, другие артисты, в том числе на четвертый этаж по парадной лестнице въехали Борис Андреевич Бабочкин — в квартиру 10 и Илларион Николаевич Певцов с женой Натальей Александровной Камковой — в квартиру 11. По рассказам, соседние квартиры были еще не заселены, и двери в квартиры 10 и 11 не закрывались. Это была как бы общая территория. Видимо, жили дружно. А дружба эта имела свою историю. Еще в 1920-м г. Бабочкин поступает в Москве сразу в две театральные студии: к тогдашнему кумиру столицы Михаилу Чехову и в студию “Молодые мастера”, которой руководит Илларион Николаевич Певцов. Бабочкин в конце концов выбирает себе в учителя последнего: “Навсегда, на всю жизнь”. И вот совместная лестничная площадка на Гороховой, 4... В той же студии “Молодые мастера” учился и Георгий Васильев. Когда братья Васильевы написали сценарий “Чапаева”, то принесли его Иллариону Певцову. При чтке сценария присутствовал и Борис Бабочкин, в то время молодой артист Александринки. Бабочкин вспоминал: “Мы шли по снежному ночному Ленинграду. Останавливались на пустынных перекрестках, и, захваченный образом Чапаева, я рассказывал Васильевым, как я его себе представляю”. В ту зимнюю ночь 1933 г. вопрос об исполнении главной роли решился сам собой. А И. Н. Певцов получил роль полковника Бороздина. Можно предположить, что работа над фильмом, кроме киностудии, продолжалась, или даже можно сказать — начиналась, на Гороховой, 4. Наверное, многое рождалось в беседах, спорах, преодолении сомнений, обсуждениях того или иного эпизода, роли. Отзвуки периода съемок “Чапаева” пережили свое время и отзывались в квартире моей матери многие годы... Сегодня, когда спрашиваешь молодежь о том, смотрели ли они фильм “Чапаев”, то видишь удивленные глаза. А наше поколение было захвачено событиями, происходившими на экране. Мы смотрели фильм по несколько раз. Мы играли в Чапаева. Но понять всю серьезность и смелость создателей фильма и задуматься о настоящем месте этого фильма в культурном наследии нашей истории мне помог один эпизод, который произошел со мной примерно

Выпуск в Хореографическом училище 1924 г. Н. А. Камкова — третья слева во втором ряду. Фото из семейного архива Поташовых.

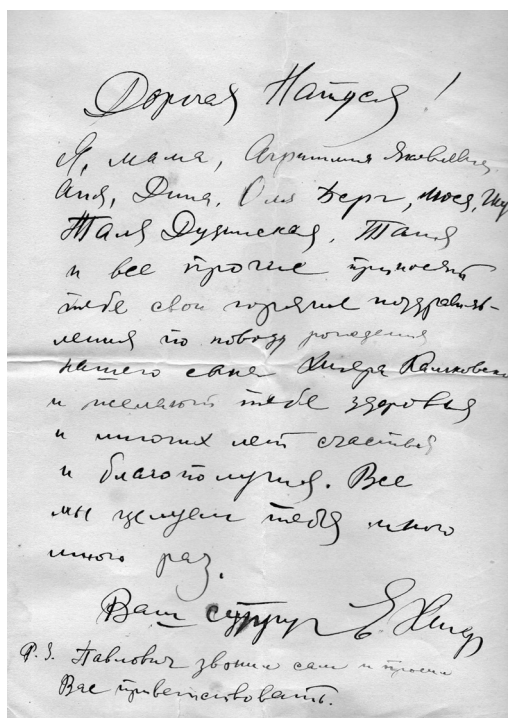
Новый год в квартире Н. А. Камковой на Гороховой, 4: слева — Н. Камкова с Людмилой (внучкой А. Я. Вагановой), далее — Анна Поташова (двоюродная сестра Камковой), крайний справа — Валерий (сын Поташовой), рядом с ним, слева — Виктор (сын Камковой). 50-е гг. XX в. Фото из семейного архива Поташовых.

Родовой дом Н. А. Камковой. В советское время здесь располагались различные учреждения, здание неоднократно перестраивалось.
Фото из семейного архива Поташовых. 1959 г.

Клавдия Алексеевна с дочерью Натальей Камковой в саду собственного дома в Шлиссельбурге. 1915 г.
Фото из семейного архива Поташовых.

Поздравление Н. А. Камковой с рождением сына Виктора. Июнь 1945 г.
Фотокопия из частной коллекции Н. Е. Синичкиной.

в 2007 г. Это произошло в Швейцарии, в кантоне Валле, в маленьком городке под названием Сьон. Сюда мне удалось организовать поездку хореографического отделения Ленинградского областного колледжа культуры. Как-то я вошел в зал во время репетиции, и мое внимание привлекла интересная женщина, которая о чем-то рассказывала собравшимся вокруг нее студентам и педагогам. Меня эта сцена немного удивила. Как быстро произошел контакт! Я приблизился к группе. Женщина рассказывала на хорошем русском языке: “Мы очень с большим интересом восприняли фильм Чапаев. Но почему такие ошибки? Вот, например, полковник Бороздин. Во-первых, он не Бороздин, а Изергин, а главное, — он никогда не играл на фортепиано. И вообще, он умер в Париже в 1953 г., а не погиб в бою, как это показано в фильме”. Откуда-то из подсознания у меня возникают отрывки разговоров, услышанных когда-то дома. Невозможно вспомнить, в какой момент это отложилось в моей памяти. Но, наверняка, конечно, что это моя мама — Наталья Александровна Камкова разговаривала с кем-то из многочисленных гостей, которые бывали в нашей квартире. И я мгновенно вступил в разговор: “Во-первых, игра на рояле не ошибка. Это сознательная деталь, внесенная И. Н. Певцовым в образ полковника, чтобы подчеркнуть белую кость героя — дворянское образование и культуру. Во-вторых, фамилия изменена осознанно. Это не исторический персонаж, а обобщенный образ врага”. Так мы знакомимся с племянницей белого генерала, образ которого воплотил на экране Илларион Николаевич Певцов. Она называет Изергина “дядя Миша”, а я ей рассказываю, что родился и вырос в квартире, где жил во время создания фильма “Чапаев” исполнитель главной роли полковника И. Н. Певцов. Первый муж моей мамы... Эта встреча в маленьком городке среди швейцарских Альп произвела на меня впечатление чего-то нового, неосознанного, неизвестного в создании фильма “Чапаев”. Со временем становилось понятно, что не сразу воспринимаешь всю серьезность сказанного авторами. Ведь в этой картине впервые образы «белых» не окарикатурены. А эпизод психологической атаки каппелевцев, в котором стройные ряды офицеров, с небрежной лихостью, с папироской в зубах шли под барабаны на смерть, производил потрясающее впечатление. Какой смелостью и уверенностью в своей правоте надо было обладать и каких усилий стоило доказать свою правоту в то время, когда снимался этот фильм!.. А ведь все сомнения, переживания, фантазии, споры, вполне возможно, происходили в квартире 11 по Гороховой улице, 4.

Творческая атмосфера квартиры формировалась из людей разных профессий, работающих на Ленфильме. ... Конечно, я только предполагаю, что в этой квартире собиралась масса творческих людей, но достоверно могу утверждать, что множество интересных друзей Натальи Александровны, посещавших нашу квартиру долгие-долгие годы, возникли именно тогда, во время работы над фильмом “Чапаев”⁹. Поскольку нет никаких свидетельств того, что мама бывала на Ленфильме, то, значит, что сами актеры, режиссеры, операторы приходили на Гороховую, 4. Сначала

⁹ Двоюродная сестра Н. А. Камковой Анна Поташова вспоминала, что к началу 30-х гг. Наталья Александровна серьезно задумывалась о карьере драматической актрисы и хотела поступать в труппу Александринского театра, где служил ее муж И. Н. Певцов.

к Певцову, а позже, с конца 30-х гг. к Наталии Александровне Камковой и к моему отцу — Ефиму Яковлевичу Хигеру¹⁰. Ефим Хигер работал в то время на Ленфильме художником...» [3].

* * *

В 1945 г. у Н. А. Камковой и Е. Я. Хигера родился сын Виктор. Из роддома его привезли на Гороховую, 4. В архиве семьи сохранилось трогательное поздравление в честь рождения сына, подписанное, в том числе, соседями по Гороховой, ставшими к тому моменту частью семьи Наталии Александровны Камковой.

В судьбе Наталии Александровны удивительным образом переплелись два адреса, два дома — Шлиссельбургский, Чекалова, 4 и Петербургский, Гороховая 4. Оба дома — памятники архитектуры с интереснейшей и разноликой историей. Дома пережили свой расцвет, смутное время красного террора, в них были «кабинеты», Советы, капитальные ремонты, их лепнина варварски сбивалась, они перестраивались и возрождались к новой жизни. Синергия исторического наследия этих зданий создала уникальную, богатейшую культурноносную среду, которая пронизывала всю профессиональную творческую жизнь Камковой.

По воспоминаниям близких людей, коллег и учеников, Наталья Александровна была исключительным, благородным человеком. Это свойство личности было унаследовано Камковой от благородных предков и преумножено самобытной атмосферой созидания и творчества окружавших ее людей. Именно культурная среда стала для выдающегося балетного педагога Наталии Александровны Камковой источником творческого горения и благородного служения хореографическому искусству.

ЛИТЕРАТУРА

1. Галицких Е. О. Диалог в образовании как способ становления толерантности: учебно-метод. пособие. М.: Академический проект, 2004. 240 с.
2. Овсяников Ю. В. Шлиссельбург. 310 лет. СПб.: Нестор-История, 2012. 80 с.
3. Камков В. Е. Наш дом. Гороховая, 4 (Дзержинского, 4). [Рукопись] // Личный архив потомков семьи купца А. Г. Поташова. [6 с.].
4. «Мы, обожженные блокадой, просим тишины...». 1941–1944 гг. Ленинградский блокнот рисунков художника Ефима Хигера. Альбом. СПб, 2014.

¹⁰ В 2014 г. вышло издание «Мы, обожженные блокадой, просим тишины...» — ленинградский блокнот рисунков художника Ефима Хигера. Одним из авторов идеи издания выступил сын Е. Хигера и Н. Камковой — Виктор Ефимович Камков. В книге есть пронзительные строки, посвященные времени, когда отец жил и работал на Гороховой, 4 (Дзержинского, 4) во время блокады: «Вот он в квартире, коридор, поворот, еще маленький коридор. ... Здесь, в глубине квартиры < ... > находится большая, девятнадцатиметровая, с высокими потолками кухня. Здесь нет окон, что спасает от ветра и немножко от холода. Но здесь есть большая, большая плита. Здесь и работает художник, согревая руки у живого огня, который дает тепло и как-то отдаляет одиночество. Одиночество, тоска, эмоциональное напряжение сквозят в открытках и телеграммах, которые художник пишет почти каждый день. Предназначены они жене, которая находится в эвакуации в Молотове» [4, с. 52].